

Церковь и государство *)

Вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству можетъ быть рѣшаемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, съ разными подходами, даже самая постановка вопроса можетъ быть различна. Предлагаемыя мысли являются попыткой намѣтить чисто прагматическое рѣшеніе вопроса, подойти къ нему, какъ къ вопросу о достойномъ, цѣлесообразномъ устройствѣ Церкви въ **данное время**, въ **данной** обстановкѣ, примѣнительно къ **даннымъ** практическимъ потребностямъ Русской церкви. Измѣнятся обстоятельства, условія, обстановка — можно искать и другихъ рѣшеній вопроса.

Вступая въ область церковную, мы вступаемъ въ область консервативную по преимуществу. Церковь, творя дѣло Христово, естественно, осторожна, осмотрительна: перемѣны въ Ней совершаются медленно, въ вѣкахъ, безъ торпливости. Поспѣшность въ социальной области вообще не всегда удобна въ церковной же области, по преимуществу; перемѣны можно производить только тогда, когда это уже, дѣйствительно, сломалось въ самой жизни, опредѣленно измѣнилось.

Переломъ, происшедшій въ русской церковной исторіи, не только значителенъ и глубокъ, что до извѣстной степени можно сказать, что сейчасъ приходится строить почти на пустомъ мѣстѣ. Вопросъ о формѣ новыхъ отношеній Церкви къ государству, задача нахождения образа Ея существованія въ новыхъ условіяхъ поставлены передъ нами рѣшительно.

Востокъ завѣщаль намъ теорію симфо-

ніи,—гармоническаго сосуществованія, согласнаго взаимосоудѣствующаго сожитія государства и церкви. Въ теоріи симфоніи признавалась самостоятельность природы церкви и государства, и потому отрицалась возможность ихъ унификаціи сведенія въ одно. Теорія симфоніи исключала какъ папизмъ католичества (папа, какъ глава не только Церкви, но и свѣтскаго государства, притязанія Церкви на мірское государственное), такъ и цезаризмъ протестантизма (свѣтская власть въ качествѣ верховнаго судьи и вождя по отношенію къ церкви — система «территориализма»).

Симфонія была осуществлена въ формѣ муропомазанной монархіи. Переломъ, совершившійся на нашихъ глазахъ, крушеніе русской монархіи, свидѣтельствуется уже о неудовлетворительности этой формы монархіи, какъ формы симфоніи, формы единственной, неповторимой. Сущствующее положеніе обязываетъ, по видимому, готовиться къ какой угодно формѣ устройства государственной власти, но только не къ формѣ помазанной монархіи. Тѣмъ болѣе, что если въ силу тѣхъ или другихъ условій, такая монархія возродится, можно будетъ сравнительно легко использовать опытъ прошлаго. Но исторія кажется, готовить иное; сочетаніе церкви и государства въ ризахъ православной государственности врядъ ли повторится, такъ какъ ясно, что природой современнаго государства, даже монархическаго, стало свѣтское начало. Если и будетъ монархія, она, вѣроятно, будетъ конституціонной, свѣтской. Вручать ей судьбы Церкви невозможно. Въ старой формѣ помазанной монархіи Церкви было тѣсно, неудобно, а въ новой—православной государственности и вовсе нѣтъ мѣста — никакому мини-

*) Статья представляетъ запись устной бесѣды проф. А. В. Карташова, передававшей содержаніе его особаго доклада на эту тему, которой будетъ напечатанъ въ другомъ мѣстѣ.

стерству или парламенту нельзя преподавать помазание.

Какія же при этихъ условіяхъ должны быть связи Церкви съ государствомъ? Только утилитарныя?

Церковь въ свое время много испытала отъ своей связанности къ государствомъ, даже въ формѣ воцерковленной монархіи. Деспоты Византіи властно вмѣшивались во внутреннюю жизнь Церкви, въ догматическіе споры, часто рѣшительно подчиняли дѣло Церкви интересамъ государства. Исторія арианства, монофиситства, моноелитства и иконоборческихъ гоненій знаетъ черезчуръ много случаевъ такого насильственного вмѣшательства императорской власти въ самое существенное въ церковной жизни. Въ Русской церкви мѣры административно-полицейскаго вмѣшательства государственной власти во внутреннюю жизнь церкви почти до отмиранія ослабили стихію соборности, какъ стихію самоуправляющуюся, связывали Церковь во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. Нѣтъ числа горькимъ иллюстраціямъ. Церковь начинаетъ бороться съ пьянствомъ, — министерство финансовъ протестуетъ, такъ какъ винная откупная торговля является однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода государственной казны. Изъ проповѣдей надъ плащаницей цензоры вычеркивали добрую половину подъ предлогомъ, что слова проповѣдника о книжникахъ и фарисеяхъ, о судѣ Пилата «задѣваютъ сословія» и т. д. Въ качествѣ основной причины неудовлетворительнаго положенія Русской церкви часто называютъ церковныя реформы Петра Великаго. Но и помимо ихъ, симфоническое сосуществованіе Церкви съ государствомъ, даже при добрыхъ отношеніяхъ, съ необходимостью таить въ себѣ рядъ неустрашимыхъ трудностей и неудобствъ. Изъ благихъ намѣреній выросло, напримѣръ, то уродливое положеніе, когда пастыри церкви награждались митрами, крестами, орде-

нами изъ Кабинета Его Величества непосредственно свѣтской властью. Въ послѣднее время къ этому такъ привыкли, что ничего уже и страннаго въ этомъ не чувствовали. А прежде, когда впервые начали награждать іерарховъ лентами и орденами, то выдающіеся іерархи плакали отъ оскорбленія, видя въ этомъ смѣшеніи свѣтскаго и духовнаго порядковъ новое униженіе Церкви.

Положеніе Церкви даже въ государствѣ православномъ, даже въ православной монархіи было таково, что, настрадавшись, можно сказать — пусть ужъ лучше Церковь существуетъ безъ государства, пусть церковная жизнь устраивается (каково бы ни было новое государство) на основѣ отдѣленія Церкви отъ государства.

Сейчасъ въ эмиграціи приходы сами содержатъ епископовъ, строятъ храмы, организуютъ приходскую жизнь. А въ Россіи, въ нищетѣ и гоненіяхъ, народъ самъ поднималъ на своихъ плечахъ всю экономическую жизнь Церкви. Раньше не повѣрили бы этому!

Русская церковь должна явить не только образъ церкви свободной отъ государственной зависимости и опеки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ Церкви, свободной отъ узкаго націонализма, въ которомъ Западъ справедливо упрекаетъ Востокъ. Если Русская церковь будетъ свободна отъ государства, она, въ качествѣ независимаго духовнаго вождя общества, духовнаго гегемона, вырастетъ въ силѣ и вліяніи на всю жизнь и культуру націи.

При рѣшеніи вопроса о типѣ отношеній между Церковью и государствомъ нужно особое вниманіе обратить на перерожденіе природы государства. Государство сузилось: роль отца и учителя своихъ гражданъ, которую государство прежде включало въ составъ своихъ функций, отошла отъ него и перешла къ обществу, націи, органамъ самоуправле-

нія. Государство свелось, главнымъ образомъ, къ аппарату политическому и военному. Сфера дѣятельности Церкви должна быть измѣнена соответственно ясно опредѣлившейся эволюціи общественно - государственныхъ отношеній. Средоточіе жизни націй въ обществѣ: здѣсь свобода мнѣній и интересовъ, свобода совѣсти, свобода инициативы къ реформамъ духа и матеріи; здѣсь средоточіе духовной жизни націи, здѣсь Церковь можетъ смѣло проводить свою строгую евангельскую критику и свою власть слова и дѣйствія.

Отдѣленіе Церкви отъ государства произошло по мотивамъ антирелигіознымъ. Поэтому лозунгъ звучитъ какъ безбожно - радикальный. Между тѣмъ, необходимо его понять религіозно — ютъ дворцовъ, отъ орденовъ, — въ низины народной жизни.

Вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству не догматическій, а тактичeskій. Англиканскую церковь стѣсняетъ государство, но это государство принципиально не враждебно Церкви, а поэтому англиканская церковь терпитъ, и не рветъ съ государствомъ. Въ Россіи въ краткій періодъ Временнаго Правительства отношенія между Церковью и государствомъ опредѣлялись принципомъ свободы всѣхъ исповѣданій въ правовомъ внѣконфессіональномъ строѣ. Это было не «отдѣленіе», но «отдаленіе» отъ государства, намѣчалась программа «культурнаго сотрудничества церкви съ государствомъ». Программа была предложена профессорами юридическихъ наукъ, отчасти членами кадетской партіи, участвовавшими въ работахъ предсоборнаго Присутствія. Программу еще не успѣли отшлифовать въ Петербургѣ, — какъ пришлось въ маѣ 1917 г. спѣшно представить ее на происходившій въ это время въ Москвѣ съѣздъ конституціонно-демократической партіи. Программа была проведена на съѣздѣ покойнымъ П. И.

Новгородцевымъ. Созданная тогда теорія культурнаго сотрудничества Церкви съ государствомъ сейчасъ — въ качествѣ программы для ближайшаго будущаго — не можетъ быть реальной. Трезвый учетъ существующей обстановки въ качествѣ наиболѣе цѣлесообразнаго рѣшенія диктуетъ отдѣленіе Церкви отъ государства. Этого требуетъ не только мужественная оцѣнка современнаго положенія, но и особая роль, выпадающая на долю Русской Православной Церкви, какъ аванпоста въ судьбахъ Православія.

Отдѣленіе Церкви отъ государства въ конституціонномъ отношеніи означаетъ выходъ Церкви изъ союза съ государствомъ, въ которомъ Церковь, какъ ласточка, положила голову въ пасть крокодила. Церковь начинаетъ жить такъ, какъ живутъ общества, которыя живутъ, часто борясь съ своимъ государствомъ. Церковь выходитъ на положеніе самоуправляющагося общественнаго союза въ правовомъ государствѣ.

Опорой Церкви должны быть вѣрующіе, общество вѣрующихъ.

Практически осуществить отдѣленіе Церкви отъ государства очень трудно. Природа Церкви теократична, и Церковь всегда будетъ искать цѣлостнаго воплощенія идеала теократіи. Программа отдѣленія Церкви отъ государства ничего не измѣняетъ въ природѣ церкви, въ существѣ ея отношеній къ жизни. Старая форма воплощенія теократическаго замысла не удалась — привела къ тому, что Церковь оказалась плѣнницей государства. Въ своей теократической задачѣ Церковь и сейчасъ ни отъ чего не отдѣляется. Она хочетъ цѣлостно всѣмъ властвовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она хочетъ вырваться изъ плѣна государства, чтобы царствовать духовно и надъ самимъ государствомъ своими собственными силами. Пршшлое благословенно, какъ опытъ теократической формы и національнаго воспитанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя забы-

вать и того состоянія «паралича», въ какомъ была Церковь, плѣненная государствомъ. И слава Богу, что это отжило. Сейчасъ нужно говорить о задачѣ новаго устроенія Церкви въ измѣненной обстановкѣ, настойчиво звать церковное сознание къ новой работѣ. Многое, конечно, еще нельзя предвидѣть. Мы не «сіонскіе мудрецы», чтобы все расписать на десятки лѣтъ впередъ, но такъ какъ мы не умѣли предвидѣть, то «сіонскіе» и всякіе иные мудрецы насъ и обошли. Нужно имѣть нѣкоторую теорію, чтобы въ критическую минуту не было растерянности, а для этого необходимо, чтобы мы знали, какъ дѣйствовать, къ чему вести. На нашихъ глазахъ іерархи государственныхъ новообразованій (Польша, Литва, Латвія, Эстонія), растерявшись передъ вставшей передъ ними проблемой устроенія Церкви въ новыхъ условіяхъ, наивно укрылись подъ крылышкомъ чужихъ свѣтскихъ государствъ. Это вызвало цѣлый рядъ ненормальностей въ церковной жизни — насильственное введеніе новаго стилиа, произвольный путь подчиненія Константинопольскому патріарху и т. д. Этого мы должны избѣгать.

Въ церковномъ обществѣ одной изъ основныхъ силъ всегда былъ и будетъ консерватизмъ, но консерватизмъ, къ несчастью, часто перерождается въ слѣпую инерцію, готовую сломать кости жизнен-

но-творческому теченію, недостаточно еще окрѣпшему. Нужно разъяснять, писать о томъ, каково было положеніе Церкви въ періодъ ея нахождения въ плѣну у государства, какія глубокія внутреннія перерожденія испытало въ связи съ этимъ церковное сознание. Нужно пробуждать сознание значенія Церкви, самой по себѣ, безъ государства, копить ея силы, нужно за это бороться.

Въ свое время покойному патріарху Тихону былъ представленъ законопроектъ объ организаціи отношеній между Церковью и государствомъ, составленный въ качествѣ програмнаго для «Управленія вооруженными силами на Югѣ Россіи» ген. Деникина. Патріархъ выслушавъ, грустно засмѣялся.. «Вашими устами да медъ пить... Когда то эта идея осуществится?» Онъ былъ мудре насъ и предвидѣлъ дальше чѣмъ мы. Потому-то онъ и отказался благословить бѣлый фронтъ. Онъ предвидѣлъ неизбежную потребность отдѣленія Церкви отъ государства, сознавалъ, что — для данного періода — мечта объ иномъ устроеніи церковной жизни является церковно-общественной маниловщиной. Святѣйшій патріархъ былъ человекомъ народа, трезваго практическаго чутья, и зналъ, что большевицкая канитель всерьезъ и надолго, и дѣлать съ такимъ государствомъ Церкви нечего.

Пути движенія и Россія

II*).

Когда я думаю о работѣ нашего Движенія въ будущей Россіи, я не рисую себѣ никакихъ идиллій. Насъ ждетъ въ Россіи трудная, чрезвычайно отвѣтственная работа, ждетъ борьба, непониманіе,

внѣшнія и внутреннія трудности. Съ этой точки зрѣнія наша работа здѣсь въ эмиграціи пріобрѣтаетъ исключительное значеніе, какъ нѣкоторый «практикумъ», дающій возможность накопить извѣстный опытъ; отдать себѣ отчетъ въ нашихъ дефектахъ, осмыслить руководящія идеи. Ес-

*) См. «Вѣстникъ» 1931. № 1.